

О Б Щ Е С Т В О И Р Е Ф О Р М Ы

Е.И. ГОЛОВАХА,
Н.В. ПАНИНА

**Постсоветская аномия:
особенности выхода из состояния
аномической деморализованности
в России и на Украине**

Россию и Украину часто называют "переходными обществами". При этом вполне понятно, когда и как этот переход начался и не совсем ясно, чем и когда он завершится. В самом общем виде цель ясна – общество, где существуют законность и порядок, граждане благоденствуют, а в отношениях между людьми преобладают порядочность и справедливая оценка вклада каждого в общее дело. В Древней Греции для такого состояния общества был свой термин – "евномия", который, впрочем, так и не получил широкого распространения, в отличие от "аномии" – понятия, обозначающего беззаконие, отсутствие ясных норм поведения, которыми могли бы руководствоваться люди, чтобы жить и благополучно, и честно.

Возникновение слова "аномия" (буквально – "беззаконие") связано с разложением традиционной культуры и жизненного уклада, породившим неведомые дотоле экономическое неравенство, политические страсти и моральную нечистоплотность. В этих условиях многие люди теряли ориентиры социального поведения, привычные моральные нормы утрачивали силу, уступая место культу силы, жажде наживы, наглости и цинизму как качествам, более отвечающим духу "смутного времени". Для создания новой "полисной" культуры понадобилось преодолеть аномию, в чем, собственно, и преуспели Солон, Ликург и другие (оставшиеся неизвестными) законодатели, заложившие основы нового социального порядка.

Оказалось, впрочем, что преодолевать нормативный хаос можно разными путями. Опыт формирования демократических норм общественной жизни в Афинах и "железного порядка" тоталитарной Спарты и сегодня не утратил актуальности для государств, пытающихся преодолеть состояние аномии, порожденное разрушением ценностно-нормативной системы. По крайней мере для некоторых постсоветских государств, первоначально декларировавших демократический путь выхода из аномического состояния, а затем не избежавших соблазна решения многочисленных социальных проблем переходного периода "по-спартански", этот опыт имеет первостепенное значение.

Головаха Евгений Иванович – доктор философских наук, заведующий отделом истории, теории и методологии социологии Института социологии Национальной академии наук Украины.

Панина Наталия Викторовна – доктор социологических наук.

Когда феномен анонии и его последствия для общества начали изучаться социологическими методами, удалось вполне убедительно доказать, что растерянность людей в условиях изменения привычных норм и ценностей может приводить к тяжелым социальным и личностным коллизиям. Появление категории "аномия" в качестве одного из ключевых понятий в социологической концепции Э. Дюркгейма часто связывают с политической нестабильностью, возникшей вследствие Великой французской революции. Проблемы анонии и социальной организации вновь попадают в поле зрения социологов после Первой и Второй мировых войн, а также значительных экономических и социальных кризисов [Дюркгейм, 1991; Ковалев, 1990; Мертон, 2006].

Американские социологи в середине прошлого столетия создали методики по измерению анонии. Уже первые замеры интегральных индексов анонии обнаружили, что переход западного общества от индустриальной эпохи к постиндустриальному состоянию, когда привычный уклад жизни стал стремительно изменяться, у многих людей вызвал состояние аномической деморализованности – столь нелегким был процесс приспособления к новым социальным нормам [Robinson, Shaver, Wrightsman, 1991]. И это происходило, несмотря на общий подъем экономики, улучшение условий труда и быта и заметное повышение уровня жизни населения.

Гораздо тяжелее переносить аномию в странах, где изменение ценностно-нормативной системы сопряжено со значительным ухудшением экономической ситуации. И в России, и на Украине с начала 1990-х гг. феномен анонии получил чрезвычайно широкое распространение. Об этом свидетельствовали существенный рост распространенности различных форм девиантного поведения, формирование социально-психологической атмосферы, в которой преобладающими стали чувства недоверия к социальным институтам, неуверенности и пессимизма.

Разумеется, вряд ли можно было ожидать, что постсоветская трансформация обойдется без серьезных последствий для ценностно-нормативной системы. Это следовало из социологической теории анонии, созданной Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном: любое изменение социальной ситуации, связанное с социальной реорганизацией, неизбежно вызывает в обществе аномические реакции. Однако показатель распространенности аномической деморализованности в первый же год независимого существования Украины превзошел все самые пессимистические ожидания. Как показывали репрезентативные для взрослого населения Украины опросы, более 80% населения были подвержены состоянию аномической деморализованности [Головаха, Панина, 1994, с. 100–101]. Из той же теории следует, что состояние всеобщей анонии не может длиться неопределенно долго, и на смену социальной дезориентации приходят нормативные и ненормативные реакции на аномию. Такого рода реакции фиксировались уже на первом этапе постсоветских трансформаций в исследованиях, проведенных с применением шкал социального цинизма, авторитаризма и социальной дистанции.

В последние годы ситуация в украинском и российском обществах несколько изменилась. Экономический рост привел к заметному улучшению материального положения большинства населения, что отразилось и на социальном самочувствии людей. Среди граждан обоих государств стало меньше разочарованных и неуверенных в том, что они способны обеспечить приемлемые условия жизни для себя и своей семьи. Замеры уровня анонии в последние два–три года обнаруживают положительные тенденции: несколько снизился общий уровень аномической деморализованности граждан Украины, меньше стало и тех, у кого она достигает критического значения, свидетельствующего о деморализации человека в обществе, где не действуют законы и опираются основополагающие нравственные нормы. В последние годы уже не одна пятая, а около трети населения способны противостоять деморализующему влиянию анонии [Українське... 2006, с. 21–24].

Однако феномен "деморализованного большинства" в украинском обществе все еще сохраняется. Что касается России, то данных измерения показателей динамики анонии по общепринятым в мировой социологии методикам мы не обнаружили. Но, судя по отдельным проявлениям аномической деморализованности (пессимизм, неуве-

ренность в своих силах, недоверие к социальным институтам и т.п.), можно вполне обоснованно предположить, что по сравнению с 1990-ми гг. прошлого столетия уровень аномической деморализованности снизился весьма существенно. Сегодня вряд ли можно утверждать, что разрушительному воздействию аномии подвержено большинство населения России. И тем не менее российские социологи приходят к выводу, что и нынешнее состояние общества в России является, по существу, аномическим [Левада, 2006; Кривошеев, 2004].

Теоретически сегодня для России и Украины существуют три пути выхода из ситуации массовой аномической деморализованности. Первый – традиционализм, возвращение к архаичной системе ценностей как интегрирующей основы общественной жизни. Второй – авторитаризм как попытка решить проблемы общества за счет жесткой централизации. Третий – движение по декларируемому Россией и Украиной демократическому пути на основе последовательного построения системы политического плюрализма, создания правового государства и развития свободной экономики.

Развитие аномической деморализованности (упадок духа, растерянность, вызываемые отсутствием как ценностей, так и регулирующих норм) порождает нормативные реакции на аномию. В условиях длительного отсутствия нормативных регуляторов поведения, когда многим кажется, что может произойти "все, что угодно", почти автоматически возникают требования "возврата к доброму старому времени". Другой выход из аномического тупика видится массовому сознанию в поисках "авторитетного толкователя" – лидера (вождя), который знает правильные способы действия и может заставить "других" их выполнять [Беккер, 1961].

В результате массовой аномической деморализованности достаточно вероятным является формирование двух типов ценностно-нормативных подсистем: традиционнo-архаической (основанной на требовании вернуть старую систему ценностей) и авторитаристской (основанной на потребности приведения к власти сильной личности, которая сможет установить "новый твердый порядок"). В сочетании с декларируемыми Россией и Украиной ценностями и нормами открытого демократического общества, традиционализм и авторитаризм открывают весьма причудливые пути выхода из аномического состояния и создания "нового социального порядка". Для него в России были найдены своеобразные определения-оксюмороны ("либеральный империализм", "просвещенный авторитаризм", "управляемая демократия"), а Украина предложила весьма банальные идеологемы "национального возрождения" и "европейского выбора" как альтернативы "многовекторной политики", характерной для первого этапа постсоветской трансформации.

Вообще-то, "управляемая демократия" – вполне адекватный термин для характеристики современной российской социально-политической действительности, поскольку он отражает причудливое сочетание автократии и демократии, политических свобод и их ограничения, формального наличия и практического отсутствия оппозиции правящему режиму. Труднее найти подходящий термин для Украины. По аналогии с Россией украинскую модель поддержания социального порядка можно назвать "управляемой охлократией", когда внутриэлитарные конфликты в критических ситуациях решаются посредством апелляции к массам.

Популярность охлократических средств решения украинских социально-политических проблем во многом определяется традиционализмом, который в последние годы характерен не только для массового сознания, но и для политических лидеров, начавших демонстрировать различные формы архаичного поведения: надевать вышиванки, заплетать косы в духе средневековья, участвовать в государственных богослужениях, ратовать за введение в школьные программы уроков религиозной этики и т.п. Разумеется, декларируемый путь к утверждению европейских ценностей, путь в европейское сообщество несовместим с традиционализмом и архаичной идеологией, культивируя которую Украина обречена на десятилетия "бега на месте" по направлению к Западу.

Таким образом, и российские, и украинские нормативные реакции на аномию имеют специфические черты: декларированный демократический путь Россия подкрепляет авторитарией, тогда как на Украине этот путь в большей мере связан с охлократией и традиционализмом. Иными словами, в России последнее слово всегда остается за "Кремлем", тогда как на Украине – за "Майданом". Это связано с рядом факторов, коренящихся в особенностях истории, культуры и психологии двух "братских народов".

Прежде всего следует принять во внимание разнонаправленность оценок новой геополитической ситуации двумя странами после развала СССР. При этом в элитарном и массовом сознании России обретенная государственность не получила самооценки и полноценности, поскольку она стойко ассоциируется с утратой пространства национальной самореализации, с "фантомными болями", связанными с потерянными частями бывшего союзного государства.

Казалось бы, в результате Беловежских соглашений собственную национальную государственность обрела и Россия, которая в рамках СССР представляла собой такую же бесправную союзную республику, как и все прочие. Однако если в других новообразованных государствах ценность собственной государственности заняла достаточно прочное место в ряду основополагающих политических ориентаций новой и "перестроившейся" старой элиты, то в России первая эйфория от обретения самостоятельности постепенно сменилась болезненным осознанием того, что Советский Союз был не препятствием для государственного самоопределения, а значительно более широким пространством этого самоопределения, чем новообразованная Российская Федерация. Отсюда и ощущение девальвации ценности "государственной независимости" в сознании центральной и региональных российских элит.

Для большинства же рядовых россиян вообще не существовала проблема национального самоопределения в рамках СССР, где они воспринимали себя национальным большинством независимо от места жительства. Поэтому Российская Федерация для них во многом стала ассоциироваться не столько с приобретением "своего государства", сколько с его распадом. В результате сближения массового и элитарного сознания сформировалась и специфическая идеология, в которой ностальгия по былому статусу сверхдержавы у политической элиты подкрепляется ностальгией масс по потерянному пространству – не только физическому, но и свободных социальных контактов.

Украине присуща иная тенденция в формировании отношения к ценности государственной независимости. В элитарном сознании независимость все в большей мере обретает статус доминантной ценности, поскольку именно она в кратчайшие исторические сроки превратила маловлиятельную в масштабах бывшего союзного государства провинциальную элиту в равновеликую по политическому значению с элитами крупных европейских государств. Новое независимое государство, если и не может до сих пор обеспечить большинству своих граждан пристойные условия жизни, то уже обеспечило более чем пристойное существование для политической элиты – как властвующей, так и оппозиционной. Причем особую привлекательность для политической элиты государственная независимость Украины представляет с точки зрения стремительно набираемого международного престижа и интереса, который влияющие политические силы в дальнейшем зарубежье испытывают к ранее никому не известным, нигде не учившимся тонкостям политической деятельности, но востребованным в результате провозглашения независимости политическим деятелям.

В массовом сознании ценность независимости была весьма велика в период возникновения суверенного государства, однако в последующие годы она приобрела амбивалентный характер под воздействием разнонаправленных конкурирующих оценок. С одной стороны, развал СССР положительно оценивается как источник создания "своего государства", со своей собственной перспективой развития, но с другой – независимость ассоциируется с многими утратами (экономическая нестабильность, разрыв привычных социальных связей и т.п.). Сущность массового ценностного сознания в переходный период такова, что в нем могут уживаться взаимоисключающие социаль-

но-политические ценности: например, перспективная ценность государственной независимости Украины и ностальгическая ценность союзной реинтеграции.

Это означает, что массовым сознанием может быть принята любая из альтернатив в той мере, в какой она позволит рядовому обывателю избежать мучительного состояния психологической аномии. Однако политической элите конструктивная социальная функция принадлежит в той мере, в какой она способна абстрагироваться от присущих массовому сознанию переходного периода амбивалентных политических ориентаций. По-видимому, противоречия между элитой и массами, а также региональные различия в поддержке различных геополитических перспектив Украины обеспечивают необходимый для стабилизации переходного общества потенциал поиска компромиссных политических решений.

Второе существенное различие между Россией и Украиной, обуславливающее специфику преодоления постсоветской аномии, заключается в отношении к власти и оппозиции. В России по давней традиции верховный правитель наделяется сакральными чертами. Даже если отношение к нему лично (как, например, к Б. Ельцину в последние годы его правления) в целом недоброжелательное, никто не оспаривает его права "качать и миловать". Таковы традиции самодержавия. Украина этих традиций не имеет. Верховным правителем – гетманом – тут можно было стать только посредством выборов, а это исключало возможность сакрального отношения к власти. Гетманов выбирали "на майданах", там же их переизбирали, а то и попросту низвергали, если они не могли совладать с буйными избирателями. На Украине отчасти сакрализуется оппозиция как политическая сила, с которой связаны надежды на избавление от очередной опустылевшей власти. Таковы традиции страны, отдельные части которой долго пребывали в составе различных метрополий, где украинцам нужно было постоянно преодолевать комплекс "второразрядности".

Во многом благодаря исторически сформированному феномену оппозиционности любой власти Украина и в постсоветский период сумела пережить времена тотальной аномии без автократии. И хотя многие аналитики склонны рассматривать период правления Л. Кучмы как авторитарный, это вряд ли соответствует реалиям социально-политической жизни Украины, где и тогда была мощная политическая оппозиция, пользовавшаяся массовой поддержкой и одержавшая бескровную победу в открытом противостоянии с властью.

Третий фактор "особого пути" деаномизации России в сравнении с Украиной связан с ее специфическим положением в евроазиатском физическом, политическом и духовном пространстве. Отвлекаясь от географических нюансов позиционирования государств на евразийском материке, Россию можно условно определить как страну, расположенную между "Европой" и "Азией". Отсюда проистекает и евразийская идеология, вполне отвечающая духу традиционализма и мирно уживающаяся с исконным российским почвенничеством. В последние годы она верой и правдой служит делу укрепления государственности и установления нового социального порядка. Украина в этой системе координат должна рассматриваться как государство, расположенное между "Европой" и "Евразией", а потому и ее путь выхода из аномического состояния имеет преимущественно "европейскую направленность".

В силу указанных выше факторов Россия и Украина избрали различные пути преодоления постсоветской аномии. Консолидация общества и формирование нового социального порядка в России осуществляются на основе умеренной автократии, сакрализации власти, великодержавной идеологии, ориентированной на евразийство, и подозрительности по отношению к Западу как потенциальной угрозе для возрождения "Великой России". Украинский путь "деаномизации" связан с попыткой государственно-национального самоутверждения, включающего весьма противоречивые составляющие – идеологию "европейскости", готовность противостоять автократии в сочетании с традиционализмом, изоляционизмом и верой в сакральную роль очередного оппозиционного политического харизматика.

Что же делать с аномией в постсоветских обществах? Ждать постепенного формирования новой нормативной системы или же стимулировать этот процесс, что характерно для политических режимов, насильственно пытающихся ввести новые социальные нормы. Опыт многолетних наблюдений за тем, как формируются нормы и ценности, показывает, что в тех постсоветских государствах, где были попытки искусственно вносить новые нормы в жизнь общества, дело заканчивалось гражданским противостоянием. Прежде всего опасны эксперименты с идеологическим нормотворчеством, когда политики призывают граждан любить одних и не любить других, раздувая шовинистические настроения и обещая навести порядок "твердой рукой".

Нормы социальной жизни, способные объединять людей, а не сеять между ними разнь, рождаются естественным путем, но отнюдь не в разгоряченных головах политических лидеров. Если в обществе есть социальный прогресс, то он связан с четким разделением социальных функций. К примеру, власть, взяв на себя функцию "арбитра нравственности", создает в обществе ситуацию страха и террора. Для действенного контроля над общественной моралью есть интеллектуальная, творческая и духовная элита, есть средства массовой информации.

Сегодня и Россия, и Украина на полпути от тотальной аномии начала 1990-х гг. к "нормальному обществу". Как ни странно, именно сохраняющееся состояние незавершенности создания новой ценностно-нормативной системы оставляет и для России, и для Украины шанс на цивилизованное будущее. Неудовлетворенность своим положением в обществе и недоверие к власти – мощный стимул для того, чтобы граждане постсоветских государств не смирялись с "промежуточными продуктами" нормотворчества и требовали от властвующих элит реализации декларируемых целей построения демократического правового государства. Главное – не поддаваться соблазну "радикального" решения многочисленных общественных проблем, возлагая надежды на политических лидеров, которые обещают народу "все и сразу". Исторический опыт государств и обществ, выбиравшихся из состояния аномической деморализованности, весьма убедительно свидетельствует, что "все и сразу" у народа можно только отнять.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беккер Г. Современная теория священного и светского и ее развитие // Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961.
- Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие. История, теория и современная практика. Киев, 1994.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
- Ковалев А.Д. Аномия // Современная западная социология. Словарь. М., 1990.
- Кривошеев В.В. Особенности аномии в современном российском обществе // СОЦИС. 2004. № 3.
- Левада Ю. Человек недовольный? // Вестник общественного мнения. 2006. № 5.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
- Українське суспільство 1992–2006. Соціологічний моніторинг. Київ, 2006.
- Robinson J.P., Shaver P.R., Wrightsman L.S. Measures of Personality and Social Psychological Attitudes. San Diego–New York, 1991.